

А.Н. ЮРКИНА

УДК 821.161.1-3
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-3

ОБРАЗ ДОМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛИНОР ГОРАЛИК И АННЫ СОХРИНОЙ

Аннотация. В статье проанализированы два принципиально различных подхода к эмиграции, два противоположных мироощущения современных писательниц – Анны Сохриной и Линор Горалик. На примере их произведений (повести А. Сохриной «Моя эмиграция» и книги «Библейский зоопарк» Л. Горалик) исследуется общее и различное в поэтике и семантике образа «дома». Делается вывод об изменении трактовки гендерной роли женщины-писательницы в конце XX – начале XXI вв.

Творчество А. Сохриной в большей степени напоминает о психологической атмосфере в произведениях писательниц-эмигранток «первой волны», например, И. Одоевцевой и Н. Тэффи. Для героинь ее произведений характерны тоска, ностальгия и неприкаянность, которые усугубляются незнанием языка новой страны проживания, жесткими условиями жизни, в которых необходимо ежедневно существовать. У Л. Горалик эмиграция представлена как свободный выбор в пользу самореализации, в том числе и творческой. В данном случае исследователи говорят о транснациональной модели поведения и самоощущения. Если А. Сохрина использует традиционную форму автобиографической повести, то Л. Горалик уже жанровой природой своей книги, родившейся из блога на Booknik.ru, ломает традиции.

Ключевые слова: эмиграция, мотив, образ дома, экспатриант, Горалик, Сохрина.

Образ дома – один из основных в творчестве авторов, покинувших Россию. Воспоминания об утраченном доме, чувство метафизической бездомности характерны для произведений писателей так называемой «первой волны» эмиграции. В конце XX – XXI вв. ситуация существенно изменилась: писатели могут иметь двойное гражданство, свободно переезжать из страны в страну, они реализуют жизненный сценарий, определенный собственным выбором, без внешнего давления или ограничений. Сокращают расстояния и новые средства связи, делающие коммуникацию мобильной и доступной, «поверх» границ. В связи с этими факторами встает вопрос: изменилась ли семантика,

эмоциональная окраска образа дома в произведениях нынешних авторов? Кроме того, нас интересует проблема сохранения/трансформации женской гендерной роли, связанной с домом. Для анализа мы обратились к произведениям Анны Сохриной, уехавшей в начале 1990-х гг. в Германию, и Линор Горалик, подолгу бывающей как в России, так и в Израиле.

Творчество А. Сохриной в большей степени напоминает о психологической атмосфере в произведениях писательниц-эмигранток «первой волны», например, И. Одоевцевой и Н. Тэффи. Для героинь ее произведений характерны ощущения одиночества и сиротства, острая боль от разрыва и утраты связей с родиной, тоска, ностальгия и неприкаянность, которые усугубляются полным незнанием языка новой страны проживания, невозможностью общаться даже по элементарным вопросам, жесткими условиями жизни, в которых необходимо ежедневно существовать.

Для писательницы и журналистки более молодого поколения Линор Горалик проблемы эмиграции в привычном ее понимании не существует вовсе. В ее произведениях эмиграция представлена как свободный выбор в пользу самореализации, в том числе и творческой, а человек выступает в роли «гражданина мира», комфортно себя чувствующего в совершенно различных культурных средах, свободно перемещающегося из страны в страну, говорящего на разных языках, имеющего деловые контакты и контракты по всему миру. В данном случае исследователи говорят о транснациональной модели поведения и самоощущения. Такие писатели не связывают свою идентичность со страной рождения или проживания. Эмиграция – это свободный выбор, а не вынужденная жизненная необходимость. Это уже не эмигранты, а экспатрианты или даже «глобальные русские». И.Н. Минеева солидарна с мнением Л. Бугаевой: «Экспатриант – это человек, добровольно покинувший родной дом; часто экспатриант уезжает из родной страны с целью получения образования, улучшения условий жизни, творчества и т.п. Писатель-экспатриант в одном из вариантов представит как писатель тургеневско-чеховского типа, оказавшийся за пределами России по собственной воле, при этом часто не ставящий себе целью там обосноваться. Он не является изгнанником и не считает себя таковым» [Минеева 2012: 15]. Следовательно, можно говорить о существовании сегодня двух моделей эмиграции, двух типов самоощущения: изгнаннического, травмирующего психику, и «транснационального», раскрепощающего человека от ограниченности. Если эмигранты, которые покинули страну в 80-90-е годы, ощущали себя именно беженцами («Правда, уезжали мы не по собственной воле»

[Сохрина 2008: 13], «Из Петербурга мы просто убегали, как настоящие беженцы, – с детьми и двумя чемоданами» [Сохрина 2012: 141]), то сегодняшний опыт добровольного проживания в другой стране (временно, по рабочей визе, или постоянно) подсказывает другие сюжеты. Нередко героинями отвергается стереотип «хранительницы очага» и домоседки, создающей семейный уют. Отношение к подобным жизненным стратегиям может быть разным. Нет сомнений в том, что «на рубеже XX–XXI вв. мы наблюдаем иные типы самоидентификации писателей. Пребывая вне России, писатели все чаще выполняют роль «переводчика» между Россией и Западом» [Минеева 2013: 47]. Возможность такого образа жизни обусловлена теми изменениями, которые произошли как во внутренней политике России, так и во внешней: люди разных стран получили возможность свободно общаться, обмениваться информацией со всем миром посредством сети Интернет, появилась возможность свободно передвигаться, путешествовать, иметь гражданство не одного государства.

Об изменении установки авторов по отношению к «своему» и «чужому» миру пишет И. Минеева: «Доминирующее не одно десятилетие в их жизни и творчестве амплуа писателя, постоянно сравнивающего и противопоставляющего мир советский – иностранный, прошлый – настоящий, свой – чужой, уходит. Теперь для них становится определяющей идея не противопоставления, а объединения мира. Сегодня парадигма сознания проживающих за пределами России русских писателей обусловлена онтологией не изгнания, как это было прежде, а возвращения, перехода/переходности, вписывания в новое культурное поле» [Минеева 2013: 47]. Это очень важное замечание, характеризующее основные творческие тенденции двух писательниц – Анны Сохриной и Линор Горалик, чье восприятие эмиграции, проблем, связанных с переездом на другое место жительства, совершенно противоположны. Однако в их произведениях отчетливо выделяется общий тематический мотив – мотив дома. Тем более становится очевидным изменение в его трактовках и образном воплощении.

Для Анны Сохриной, как и для писательниц, покинувших страну в двадцатые годы XX в., образ дома – это символ благоустроенности, защищенности, национальной идентичности. Герои повести «Моя эмиграция» необычайно тяжело переживают расставание с прежним домом: «Зачем на восьмидесятом году жизни потащил он в чужую страну из разоренного ленинградского гнезда, в котором прожил большую часть своей сознательной жизни, черные и счастливые дни, родил и поднял детей, из всего того, к чему прикипела, приклеилась намертво душа, что пришлось раздарить, продать за бесценок чужим

людям или просто бросить — рыболовную удочку?! Удочка не входила ни в один приличный чемодан. Тетка громко охала, пила валерьянку, что-то вытаскивала, и с размаху садилась на непокорную, не закрывающуюся крышку, опять что-то доставала и откладывала, утирала слезы и опять садилась... О какой такой удочке могла идти речь? Когда пришлось оставить даже лучшее, любимое, заработанное потом и кровью?» [Сохрина 2008: 139]. Эта деталь – удочка – нелепа, но и трогательна: герой словно бы видит в ней залог возможного сохранения прежнего образа жизни, привычек, хобби, т.е. чего-то необязательного, в отличие от денег или работы, но глубоко-личного, интимного, стоящего особняком от жестких законов социума. «Тихо плачущую бабушку Басю вели под руки старухи-соседки» [Сохрина 2008: 138]. Бабушка тихо и беспомощно плачет о том, что ей на старости лет приходится оставлять весь налаженный быт, оставлять дом, привычный уклад жизни, и ей это сделать необходимо, поскольку оставаться одной в то время, когда вся ее семья уедет за границу – для нее, конечно, невозможно...

Приехав в Германию, героини А. Сохриной получают другой дом – временное жилье в поселении: «Первые месяцы эмиграции мы жили на еврейском кладбище. На краю большого тенистого парка стояли три двухэтажных домика. В первом отпевали покойников, во втором хранили гробы, метлы, тряпки и прочий кладбищенский инвентарь, ну а в третьем жили мы. Итак, мы жили на еврейском кладбище. Практически, это была большая четырехкомнатная квартира с общей кухней, ванной и туалетом, и каждая семья занимала одну комнату» [Сохрина 2008: 142]. Об этом писательница пишет с мягкой иронией: «Общежитие на кладбище считалось чуть ли не лучшим в городе среди нашей эмиграции, хотя слово «кладбище» многих шокировало. — А что? — неизменно отвечал наш сосед — Покойники ведут себя спокойно» [Там же].

Непривычные, шокирующие условия жизни вызвали у приехавших внутреннее возмущение, протест: «И как завершающий аккорд под вечер на коммунальной кухне звучало: — Зяма, куда ты меня привез? — кричала медленно покрывающаяся красными пятнами Софья Марковна. — Это культурная страна? Это же нечеловеческие условия жизни. Иди сейчас же в синагогу и скажи им, что ты в Москве кафедру оставил. Ты не какой-нибудь там из местечка Нижние Хвосты. Ты доцент! Твой сын подает надежды. Скажи им, что ты в Москве выехал из трехкомнатной квартиры в сталинском доме сто двадцать метров. Зачем нас сюда звали?» [Сохрина 2008: 143].

Эта бытовая неустроенность, нервная обстановка, осознание того,

что все кругом чужое, не такое, как там, у себя, вызывает у героев сложные чувства – чувства ностальгии, тоски по оставленному, будят воспоминания о «прошлой жизни»: «Но я отвлеклась. И хочу вернуться в старые времена, когда мы все еще были «там», жизнь худо-бедно текла своим чередом, Союз еще не развалился, и мы жили среди русских, украинцев, белорусов, казахов...» [Сохрина 2008: 144]. Весь Советский Союз воспринимается героиней как свой дом, родной и близкий. Но это дом, которого больше нет... А есть новый – в Германии, на кладбище – чужой и отторгаемый.

Интересен и следующий момент: герои Сохриной, уезжая, берут с собой весь свой скарб, все, что только можно увезти. У Горалик же наоборот: нет ни душераздирающих сборов, ни гор чемоданов, отъезд происходит налегке. Такое контрастирующее различие еще раз подчеркивает изменение в подходах к смене места жительства двух данных писательниц.

В книге Линор Горалик «Библейский зоопарк» (2012 г.) представлен такой новый опыт жизни вне пределов одной какой-либо страны. Данная книга «родилась» из записей в блоге: «Ехала я затем, чтобы в течение полутора месяцев вести на Booknik.ru блог, который впоследствии стал этой книжкой» [Горалик 2012: 9] и создавалась с целью познакомить читателей с Израилем. В отличие от повести А. Сохриной, в атмосфере повествования у Горалик преобладает не печальная, лирическая тональность, а деловая и оптимистичная, с оттенком юмора: «Тогда я придумала некую удобную формулировку: я стала говорить, что буду писать про всякое хорошее. Ну, про какое именно хорошее? Про всякое. Про всякое хорошее» [Горалик 2012: 10].

Сама писательница называет себя экспатом, то есть человеком, по своей воле уехавшим из прежней страны на «историческую родину», выбрав образование, саморазвитие, профессиональный рост или улучшение жилищных, материальных условий: «Зато я, как все экспаты, отношусь к родине одновременно агрессивно и сентиментально. Я все люблю, и меня все устраивает» [Горалик 2012: 17].

По приезду в Израиль, автобиографическая героиня сталкивается с проблемой поиска жилья, своего дома, пусть даже временного, всего на полтора месяца. Квартир и вариантов выбора, казалось бы, много, но не все так просто, каждый раз осматриваемая квартира таила неприятный сюрприз. Первая квартира в престижном районе сдавалась уезжающими хозяевами-дипломатами с одним условием: квартирант должен заботиться о больном кролике: «Прелестная, уютная, светлая квартира в Рамат-Авиве, одном из самых пафосных районов Тель-Авива. Хозяева уезжают в дипломатическую миссию в Швецию, сдают

очень дешево – у них уже есть деньги, деньги им не нужны, им нужен культурный постоялец с любовью к хромым кроликам», но героиня не готова взять на себя ответственность за здоровье весьма агрессивного зверька. Хозяйка второй квартиры владеет шикарным садом с множеством растений, и ей нужен человек, который будет ухаживать за этим садом; третий вариант – в готическом стиле, вся квартира обтянута черной кожей, а хозяина «сажают как раз на полтора месяца за нападение на охранника кинотеатра» [Горалик 2012: 20], следующий вариант – волшебный «двухэтажный лофт в Кфар-Сабе с одним минусом: каждый четверг в нем собирается общество любителей украинских народных песен», которые громко и долго поют, еще один вариант – «маленькая чистенькая квартира на Шенкин, в артистическом богемном районе Тель-Авива, третий этаж», хозяйка которой уезжает учиться по обмену. Однако оказывается, что в спальне нет пола: его разобрали специально, чтобы можно было опускать занавес: «нельзя подчиняться системе, если театр – это твоя жизнь; надо создавать его самому – в себе, вокруг себя» [Горалик 2012: 21]. Как видим, дом показан как нечто нестандартное, даже странное, но зато отражающее индивидуальность своего хозяина. Пересмотрев множество вариантов квартир «со странностями», к своим трудностям в поисках жилья сама героиня относится с иронией, реализующейся через гротеск: «Я спрашиваю, в чем минусы этой волшебной квартиры? В ванне лежит тигр? Вместе плиты языческое кострище? Хозяйская собака оборачивается в полнолуние местным барменом? Я, как все экспаты, готова всё, всё в Израиле любить. Мне просто хочется как-то морально подготовиться и начать любить это все прямо сейчас, то есть заранее» [Горалик 2012: 22]. В итоге через знакомых героиня находит квартиру. Это «бывший арабский дом в старом Яффо, древний, мозаики, потолки пять метров, сад, все дела. Хозяева польские евреи, давно тут живут, обожают свой дом, не дом — шкатулочка, прекрасные люди, деньги их не интересуют, они только хотят убедиться, что ты — как сказать? — с чувством будешь к этому дому. Со всем сердцем, как к своему» [Горалик 2012: 22]. На этом варианте героиня и останавливает свой выбор. Таким образом, дом перестает быть местом, психологически защищающим хозяина, что было характерно для трактовки образа дома писательницами «первой волны». Дом теперь – временное пристанище на короткий срок, удовлетворяющее по показателям комфортности и цены. Но все равно это оказывается не свой, а чужой, наемный дом.

В рассказе Л. Горалик «Ответственные суслики» из книги «Библейский зоопарк» писательница повествует и о доме, в котором живут ее родители. В Израиле постоянно идет война, у местного населения в

домах имеются специальные убежища, так называемые защитные комнаты, без окон, с запасами еды и воды, оборудованные на случай бомбовой или химической атак. Но при этом подчеркивается непринужденное общение: люди уже как будто даже всего этого и не замечают, живя обычной жизнью. В этой же обстановке они привычно готовят еду, ходят на работу, посещают парикмахерские, магазины: «С чувством опасности тут особые отношения: оно не то чтобы притуплено — на него просто сил нет» [Горалик 2012: 37]. Люди устали от страха и уже перестали бояться. Текст данного рассказа также пронизан авторской иронией: «Силы уходят на то, чтобы убедить родственников за тебя не волноваться. Родственников много, пока всех уедишь — глядь, и война прошла» [Горалик 2012: 35].

Жизнь людей, которые находятся в эпицентре опасности, периодически прерывается сигналами о бомбардировках. Тогда все привычно откладывают дела и идут прятаться в специально оборудованную в доме защитную комнату. К этому все уже привыкли и даже шутят, пережидая очередную бомбежку: «Зато у нас тут много консервов! Интересно, а консервный ключ у нас тут есть? Консервного ключа нет. От общего хохота радио падает на пол и настраивается на новости. Тревогу пока не отменили» [Горалик 2012: 37]. «А вот я была у Миры на работе, там одна женщина сегодня такой пирог вишневый принесла, обалдеть. Мы его в бомбоубежище ели, я тебе такой сделаю, это пять минут. У них там каждый день кто-нибудь приносит пирог и прямо с утра в бомбоубежище относит, чтобы под сирену съесть» [Горалик 2012: 40]. Смех и шутки позволяют сгладить ужас ситуации, получить психологическую разгрузку людям, уставшим бояться. Таким образом, от самого человека, его отношения к миру зависят, насколько ему комфортно как в его доме, так и в его стране. Вместе с тем, нельзя не учитывать тот факт, что «защитная комната», с каким бы юмором герои не относились к пребыванию в ней, это все-таки бомбоубежище, которое, к тому же, не столь уж надежно защитит в случае прямого попадания бомбы. Образы дома столь же разнообразны, сколь пестры и прихотливы изображенные характеры.

Если А. Сохрина использует традиционную форму автобиографической повести, то Л. Горалик уже жанровой природой своей книги ломает традиции. «Эстетические границы современной эмигрантской литературы открыты. Писатели-эмигранты экспериментируют с жанрами, структурой текста, хронотопом, манерой повествования, стилем» [Минеева 2013: 47]. Рассказы Л. Горалик перенесены на бумагу из интернет-блога, сохранили синтез жанровых примет очерка, эссе, автобиографической прозы. Название книги – «Библейский зоопарк» –

вносит еще и мифологический подтекст, а разные психологические типы, обрисованные в рассказах, шутливо соотносятся с теми или иными животными, что придает образам черты шаржа. Отсутствие четких жанровых границ наглядно воплощает внутреннюю свободу героини Горалик, которая прилетела в Израиль не бедовать, а выполнять заказ редакции и будет писать «о всем хорошем».

Рассмотренный материал убеждает, что осмысление эмигрантского опыта, как и сам этот опыт, существенно изменились. Героиня А. Сохриной сохраняет традиционную гендерную роль: заботливой матери, трудолюбивой хозяйки, опоры всей семьи. Героиня Л. Горалик – самостоятельный, внутренне независимый человек, реализующий свои творческие замыслы. Однако интересно отметить, что дома в его привычном понимании – как обжитого, родного, уютного места, где человек хозяин, все же нет у героинь той и другой писательницы. Временная комната в коммуналке на кладбище и защитная комната без окон или арендованный дом «со странностями» в равной степени рисуют образ внешних обстоятельств, но не выражают внутреннюю сущность его обитателей. Если учесть, что образ дома традиционно в культуре выступает символической моделью Вселенной, то характеристиками мира, в который попадают, как в ковчег спасения, героини рассмотренных произведений, являются «кладбище» и «зоопарк».

Книга, несмотря на кажущийся приоритет медиа-форм, по-прежнему остается важнейшим свидетельством вхождения писателя в «большую» литературу. В самом факте прижизненного издания содержится надежда автора на востребованность и признание. Даже изданная небольшим тиражом, книга сохраняет свое значение быть представителем автора в мире. А это немало.

ЛИТЕРАТУРА

Горалик, Л. Библейский зоопарк. – М.: Книжники; Текст, – 2012. – 160 с. (Чейсовская коллекция)

Минеева, И.Н. Литература русского зарубежья (XX — начало XXI в.) : учебное пособие / И. Н. Минеева ; М-во образ. и науки РФ, ФГБОУ ВПО «КГПА». — Петрозаводск : Изд-во КГПА, 2012. — 168 с. : ил.

Минеева, И.Н. Русская литературная эмиграция на рубеже XX–XXI вв.: Имена, сюжеты, культурные конвергенции: Учебное пособие / И.Н. Минеева; Министерство образования и науки РФ; ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет». — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. — 53 с.

Сохрина, А. Дамские штучки / А. Сохрина. – СПб. : Алетейя, 2008. – 200 с. : ил. – (Серия «Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы»).

Чупринин, С. Русская литература сегодня: Зарубежье. – М.: Время, 2008. – 784 с.